

О ДЕСЯТИННОЙ ТАМОЖЕННОЙ ПОШЛИНЕ В XVII в.

Дальнейшее изучение истории таможенного дела в России предполагает усиление внимания исследователей к практике взимания отдельных таможенных пошлин на всем протяжении существования внутренних таможен¹. Общая характеристика основных пошлин содержится во многих работах отечественных историков, посвященных таможенному делу и торговле, но специальных работ по истории отдельных таможенных пошлин, которых в общей сложности по всем таможенным пунктам в первой половине XVII в. насчитывалось около семи десятков², почти нет. Нам известно лишь одно сообщение М. М. Шумилова о большой тамге³.

В самой первой известной историкам уставной таможенной грамоте Белоозера 1497 г. никаких упоминаний о десятинной пошлине нет. В более поздних таможенных грамотах эта пошлина упоминается далеко не всегда. Даже если в уставной грамоте какого-либо торгового центра (города или села) упоминается десятинная пошлина, то в таможенных книгах этого пункта записи о ее сборе отсутствуют. Такое положение сложилось, на наш взгляд, в силу следующего обстоятельства.

Десятинная пошлина должна была собираться натурой с мелких штучных дешевых товаров, но так как в этих товарах не была заинтересована государственная казна, то таможенники не затрудняли себя сбором этой пошлины. Так, в уставной таможенной грамоте Можайска 1613 г. называются товары, с которых следует брать десятинную пошлину: «А кто принесет на торг или привезет: яиц, или лаптей, или рогож, или решот, или хомути, или веников, или скал, или лубье, или лучины, — и с того имати з десяти десятое, а с лык з десяти лучен лучня, да з драниц з десяти ж драница. А кто привезет меньши ста или десяти, и с тех людей имати по розчету»⁴.

При практике перевода натуральной десятинной пошлины в денежную сборы составляли минимальную величину, поэтому попадали в разряд помесячных суммарных сборов с мелкой торговли и записывались отдельно от основных таможенных сборов. Поэтому в таможенных книгах XVII в. нет отдельных упоминаний о сборах десятинной пошлины.

Положение изменилось, когда государственное (казенное) и дворцовое (царское) хозяйство стали испытывать нужду в определенных продуктах, материалах и в дорогом (ценном) сырье, из которых изготавливались различные изделия, украшения и предметы роскоши, отправляемые в качестве подарков властелинам соседних стран (для дипломатической службы) и необходимые для царского двора и его подразделений (Кормовой дворец, мастерские, кладовые и т. д.).

Десятинная пошлина собиралась непосредственно с добытчиков продажной продукции или с ее перекупщиков, очевидно, уже с XVI в. Об этом может свидетельствовать факт отдачи на откуп на Двине в 60-х гг. XVI в. десятины от промысла красной рыбы, семги, «опричным двинянам»⁵.

Практика сбора десятинной пошлины по государевым наказам и указам таможенным головам и воеводам для конкретных пунктов и с определенных товаров продолжалась и в XVII в. Так, в Можайске таможенные целовальники ходили по посадским дворам, на которых останавливались приезжие торговые люди с товарами (очевидно, потому что на гостином дворе для постоя и хранения товара не было мест) и осматривали привезенный продажный товар. 28 ноября 1650 г. «можайский ларешный целовальник Ларька Малафеев ходил с таможни к посадскому человеку к Лукашке Вавилину на двор у торгового человека у осташковца товара досматривать, а в досмотре была рыба для десятой доли»⁶. В этом случае был обложен десятинной пошлиной торговец-перекупщик, который, скупив рыбу у рыбных ловцов в Осташкове, привез ее продавать в Можайске.

Из отписки каргопольского воеводы Ивана Свяязева и подьячего Емельяна Евсевьева в Новгородскую четверть от 1621 г. видно, что они, выполняя государев указ, «послали в Каргопольский уезд в Турчасовский стан и в Поморье и по прежним по семожным рыбным ловлям рыбных целовальников Ивашка Дереня с товарищи, чтобы им выделяти у рыбных ловцов государеву лутчую рыбу». Когда целовальники привезли в Каргополь собранную государеву десятинную семгу воевода и подьячий ее «по записным книгам считали, и по счету тое рыбы 120 рыб, а в них 57 пудов». При этом «начальные люди» отметили, что десятинный сбор 1621 г. был больше, чем в прошлом году, когда он составил только 96 рыб весом 47 пудов. Десятинную рыбу семгу, как и каждый год, они «отпустили в Москве с рыбным целовальником с Семейком Савостьяновым, где ему объявить эту рыбу в Новгородской чети государеву думному дьяку Ивану Грамотину с товарищи». Из чети «эту рыбу взяли на Кормовой дворец на государев обиход»⁷.

Из приведенного документа устанавливается, что в Каргополе: 1) за десятинную натуральную пошлину (семгу) и за ее доставку в Москву отвечал воевода; 2) этот сбор фиксировался в отдельных «записных книгах», которые вместе с рыбой доставлялись в приказ; 3) он взимался непосредственно с рыбных ловцов в местах лова, куда высылались специальные (десятинные) целовальники.

Здесь необходимо отметить, что этот сбор взимался только с рыбы, выловленной для продажи, и на государя изымалась самая лучшая рыба. Об этом свидетельствует челобитная посадских людей Кольского острога 1624 г., которые жаловались на целовальников-сборщиков десятины. Рыбные ловцы писали, что «они де ходят в осень на рыбные промыслы и добывают

рыба про свой обиход, а не на продажу, и с тое де рыбы емлют у них государеву десятину»⁸.

Из других отписок воевод Каргополя, а также из отписок воевод Холмогор, Мезени и Кевроли первой половины XVII в. по поводу сбора десятинной рыбной пошлины можно установить, что эта пошлина собиралась с семги свежего просола, с семги воблой (облой) и с семги свежей (непросольной)⁹.

В XVII в., кроме рыбной десятины, почти во всех центрах торговли (в основном на русском Севере и в Сибири) со многих товаров, востребованных на государев обиход, собиралась десятинная пошлина. К таким товарам относились: рыбы зубы — бивни моржей, «сало варвань» («ворвань») — топленный тюлений жир, шкура пушных зверей («мяхкая рухлядь»), шкуры белых медведей, лосинные и оленьи кожи, слюда и жемчуг. В восточных регионах практиковался десятинный сбор меда и воска, а на юге страны, где было развито бортничество и пасечное пчеловодство, мед и воск собирали в государеву казну в виде натурального оброка. При сборе десятины с указанных товаров соблюдались те же принципы, что и при сборе десятинной рыбы, т. е. она взималась таможенными целовальниками и контролировалась воеводами.

В приходных книгах четвертей указывалась стоимость присланной партии товара по местной цене или по оценке торговых людей московских рядов. Так, в приходной книге 1621 г. Новгородской четверти дьяком Булгаком Миловановым было записано «с Кольского острогу десятинного збору: мяхкие рухляди 4 бобра, по 2 р. бобр, 2 лиски по полтине [0,5 руб.], лиска да кунка [куница — М. Б.] по 2 гривны кунка, да Терские лопи десятинного збору: 2 бобра [4 руб.], да 3 лисицы [1,5 руб.] да кунка [2 гривны], и та мяхкая рухлядь у подьячего у Ивана Кишмутина [получившего присылку — М. Б.] взята на Казенный двор в государеву казну»¹⁰.

В той же книге записано, что «ис Пустозера воевода прислал десятинного збору нынешнего 130 г.: мяхкие рухляди [сбор с сентября по февраль — М. Б.], 3 собольки по тамошней цене 5 р., да Ижемские слободки десятинного збору: 2 собольки по цене 1 р.». Вместе с «самоецкие дани» (дани с пустозерских ненцев) в присылке было 11 собольков на 13,5 руб. «А по цене Скорнячного ряду торговых людей Офонасья Долгова да Ивана Цыбина цена той рухляди 8 р. и она послана на Казенный двор»¹¹.

Из этих примеров видно движение десятинной пушнины в Москве — из приказа (четверти) на Казенный государев двор. Известно, что при Казенном дворе находилась соболиная казна, разделенная на мастерские — палаты, в том числе и скорняцкая, где изготавливались изделия из мехов¹².

Видно также, что местная цена на пушнину отличалась от московской цены. Десятинная пушнина, не пригодившаяся для скорняцкой палаты, продавалась частным лицам. Так, цена десятинной «мяхкой» рухляди, «соболи с пупками целые», пупки соболя, хвосты соболя, бобрики, «кошлоки» и т. д.,

«собранный» на Сыsole с проезжих людей в 134 (1626) г., присланной с Выми воеводой Федором Дементьевым с таможенным головою с Семейком Туротовым, была по оценке в Москве Скорнячного ряду торговых людей Ондreja Григорьева и Тимохи Микулина определена в 17 руб. 25 алт. 4 ден., и «вся та мяккая рухлядь продана торговому человеку Скорнячного ряду Гришке Иванову по той же цене, да сверх цены наддачи взято 8 алт. 2 ден., и обоено взято 18 р.»¹³.

Здесь обращает на себя внимание факт сбора десятинной пошлины не только на месте промысла или перепродажи товара, а с «проезжих людей» (добывших пушнину или ее купивших), и что этот товар в Москве продавался из четверти уже с «наддачей» для прибыли казенной структуре.

Также отметим, что приказы-четверти, вероятно, с начала царствования Михаила Федоровича стали планировать («сметать») объемы десятинной пошлины с некоторых товаров в штучном, весовом и денежном измерении для каждого года в определенных местностях, взяв для этого сбор предыдущего года. Так, на 129 (1621) г. против 128 (1620) г. помечено собрать «десятинного збору Кеврольских и Мезенских, и Окладниковой слободки, и на Лампожне, и на Кулуе, и на Нарьеполе — на мелких торжках 32 кости рыба зубу, 1 пуд 15 гривенок, а по московской цене в тое кости 22 р. 25 алт. 4 ден., да белки чистые, 779 белок по цене за сто 12 р. 14 алт. 2 ден.»¹⁴.

При недостатке десятинных денег, когда десятина натуральная переводилась на деньги, она записывалась в «доимку». Впрочем, как и таможенную и кабацкую недостачу, как это было в Кольском остроге в 1683 г., «по государеву указу и с Приказу денежного сбору 30 августа 1689 г. доимочные деньги с Колы иметь не велено»¹⁵.

Количества бивней моржей, добытых за счет десятины для государева обихода, конечно, не хватало, и из приказа приходило распоряжение о покупке этого ценного материала у «промышленников». Из отписки кеврольского и мезенского воеводы от 1621 г. явствует, что «к костям рыба зуба» весом в 46 гривенок (десятины) было куплено в два приема у «морских ходок», в частности, у Митьки Громова со товарищи 188 костей весом 10 пудов 3,5 гривенки, которые послали в Москву с десятинным целовальником Гурком Жаковым. Деньги за кости давали из местных кабацких доходов¹⁶.

Очередная присылка «кости рыба зубу» из Мезени и Кевроли весом в 1 пуд 6 гривенок по московскому весу оказалась в 1 пуд 12,5 гривенок, а по оценке Ножевого ряду торговых людей «тое кости цена 17 р. 2 алт. 0,5 ден.»¹⁷.

По поводу сбора десятины с «варвань сала» можно сказать, что он допускался как штучно (в бочках), по весу, так и в деньгах. При его сборе таможенниками иногда допускались злоупотребления, как это было в Архангельском городе в 1648 г., о чем мы узнаем из коллективной челобитной торговых людей на таможенного голову гостя Василия Шорина: «бьют челом от Студенного моря промышленные и торговые людишки всех поморских

городов: взял у нас гость Василий Шорин у Архангельского города с сала ворванего вместо десятины третью долю з бочки по 17 алт. 2 ден., не по государеву наказу, а мы то сало продавали бочку по 1 р. 7 гривен, а со всех других товаров имал десятину; вели, государь, имати с того сала ворваньего в государеву казну десятую против наших записочных книг с прямые цены или вели у нас имати десятую бочку на себя против кости рыбаь зубу, как с кости емлют десятый пуд, и мы от той лишней непомерной десятины всех своих промыслишков и морских торжишков отстали и на море промышляти стало не с чего, потому что ни в которых твоих государевых городех такой непомерной десятины нет, а в сибирских городех емлют десятину и пошлину по твоему государеву указу с соболей десятого соболя, с лисиц десятую лисицу, и со всяких мелких товаров емлют десятую, вправду»¹⁸.

В ответ на это челобитье из Новгородской чети пришел стандартный ответ — распоряжение «таможенному голове лишних пошлин [имея в виду лишних денег за десятину — М. Б.] не брать», но это не означало, что такое положение было тут же исправлено. Таможенный голова, конечно, делился этими лишними деньгами с воеводой и дьяком при нем, а также с другими приказными чинами.

Из другого, уже индивидуального, челобитья торгового человека Гостиной сотни Проньки Минцова того же 1648 г. на того же Василия Шорина мы узнаем, что таможенный голова, кроме отмеченного злоупотребления при сборе десятины «с сала ворванья» допускал и другую «хитрость». Он брал с непроданного, оставшегося на 157 (1649) г. у него сала десятину, а вернее, незаконную «треть» и челобитчик просил, чтобы эту пошлину в 1649 г. Василий Шорин «у него не взял в другой раз и чтоб ему, как он сало иноземцам продаст, бочки отдали, а из таможи для меры бочку ему дать»¹⁹.

В 1631 г. в Окладниковской слободке и Кареполье «таможенный и кабацкий голова Первой Прокопьев собрал в десятинную пошлину» вместе с 41 костью рыбаьго зуба весом в 2 пуда и два «медведка белых»²⁰. Редкость упоминаний десятины шкурами белых медведей объясняется, очевидно, тем, что не каждый «промышленный человек» добывал за какой-то срок десятков медведей и больше, чтобы взимать с него 1–2 шкуры, а части шкуры в десятину не брали.

Также на Севере добывалась слюда — редкий и дорогой материал, используемый при строительстве изб и хозяйственных помещений (для окон), для изготовления фонарей, светил и лампад. Так, в приходной книге 151 (1643) г. Новгородской четверти помечено «Кольского острогу Коротецкие волости с слюдных промышленных людей государевы десятинные слюды взяти на 151 г. против 150 г. 12 пудам 7 гривенок и 152 г. по отписке из Соловецкого монастыря игумена Маркела з братьею Коротецкие волости десятинные слюды, что собрано с промышленных людей в прошлом во 151 г. головные, и средние, и меньшие статьи 12 пудов 12 гривенок, а по разбору и по оценке

Оконичного ряду торговых людей Ивана Федорова с товарищи первые статьи 3 пуда по 15 руб. пуд, другие статьи 7 пудов 12 гривенок по 8 р. пуд, третьей статьи 2 пуда по 6 р. пуд. Всего 12 пудов 19 гривенок по цене 108 р. 3 алт. 2 ден.»²¹. Видно, что присланная с Кольского полуострова слюда была разного качества и стоимости, и что слюда каждой статьи перевешивалась в приказе «по московскому весу».

Отметим, что производивший в Керетской волости промысловую добычу слюды Соловецкий монастырь, как и все «промышленники», был обложен десятинной пошлиной, несмотря на его льготы (царские пожалования).

Отметим также, что в районе восточного Поморья — в Чердыни собиралась десятина с «вогульских товаров» — лосиных и оленьих кож²². Из Пермского края с рек Сылвы и Ирени в Москву присылалась десятина, собранная не только с куниц и соболей, но и с меда и воска. Например, в Кайгород для отправки в Москву было поставлено «государева Сылвенского и Иренского десятинного меду прошлых 117, 118, 119 [1609, 1610. 1611] годов 2325 пуда, да 7 пудов воску»²³.

Как уже упоминалось, в южных районах страны на государев обиход собирался только оброчный мед и воск — о медовой и восковой десятине из этих мест сведений нет. Общероссийские таможенные уставы 1653 и 1667 гг., ликвидировавшие многие пошлины и изменившие размеры основной (рублевой) пошлины, не коснулись десятинной пошлины. Она была отменена позже — по указу 1697 г.²⁴

Таким образом, рассмотрев порядок сбора десятинной пошлины, можно заключить, что она взималась весь XVII в. с ценных и редких товаров, в основном на русском Севере, в районах восточного Поморья и в Сибири. Десятина преимущественно взималась натурой, но могла собираться и деньгами; за сбор и присылку десятины в Москву отвечал как персонал таможенного пункта, так и местный воевода.

Примечания

¹ Таможни, в которых взимались торговые пошлины, известны на Руси с начала X в. В 1753 г. внутренние таможни были отменены (см.: *Кисловский Ю. Г.* История таможенного дела и таможенной политики России: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 350900 «Таможенное дело». 3-е изд., доп. М., 2004).

² *Булгаков М. Б.* Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004. С. 196.

³ *Шумилов М. М.* Большая тамга и эволюция таможенных платежей в конце XVI — первой половине XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XVIII вв.: Сб. материалов междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 17–20 сент. 2001 г.). СПб., 2001. С. 232–239.

⁴ *Кистерев С. Н.* Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. М., 2003. № 35. С. 76. — Таможенный откупщик получил эту грамоту из Устюжской четверти, поскольку «в Можайске де уставная грамота в литовский разгром утерялась». Обычно же старые уставные грамоты подтвер-

ждались новыми государями, а при утрате старых грамот в таможни присылались списки этих грамот из центральных приказов.

⁵ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941. С. 236–238. — Откуп десятинной пошлины вместе с откупом других таможенных пошлин практиковался и в XVII в. в разных местах промыслов и в таможнях. Так, нам попало упоминание, что в одном районе Нижнего Поволжья в конце 40-х гг. XVII в. существовало такое явление: «царицынские рыбные ловли, и таможня, и з десятыи зверь, и з десятая рыба, и конская пошлина» отдавались в откуп крестьянину боярина Н. И. Морозова Савве Колуженинову (РГАДА. Ф. 371 (Преображенский и Семеновский приказ). Оп. 2. № 43. Л. 59).

⁶ РГАДА. Ф. 141 (ПДСЛ). Оп. 3. 1650 г. № 78. Л. 229.

⁷ Там же. Оп. 1. 1621 г. № 17. Л. 51, 54.

⁸ Там же. 1624 г. № 31. Л. 206.

⁹ Северная рыба семга в любом виде считалась царским деликатесом и была непременным блюдом государева стола (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. № 17. Л. 183; Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Оп. 1. Новгород. Кн. 15. Л. 794; *Успенский А. И.* Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. Вып. 3. М., 1914. № 1416. С. 660).

¹⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. № 17. Л. 257.

¹¹ Там же. Л. 307.

¹² *Булгаков М. Б.* Государственные службы посадских людей... С. 249–250.

¹³ *Успенский А. И.* Столбцы бывшего архива... Вып. 3. № 1399. С. 641.

¹⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. № 9. Л. 40.

¹⁵ Там же. Ф. 159 (ПДНР). Оп. 1. № 102. Л. 7 об.

¹⁶ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1621 г. № 17. Л. 175, 180.

¹⁷ Там же. Л. 181.

¹⁸ Там же. Оп. 2. 1649 г. № 117. Л. 315.

¹⁹ «Сало варвань» пользовалось популярностью при изготовлении кож, мыла, красок, лекарственных средств и употреблялось как лампадное масло (РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1649 г. № 117. Л. 303).

²⁰ РГАДА. Ф. 396 (Столбцы Оружейной палаты). № 40 672. Л. 70.

²¹ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Кн. 28. Л. 727.

²² Там же. Кн. 28. Л. 412.

²³ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1614 г. № 8. Л. 78 (о сборе десятины с пушного товара, собираемого вместе с ясаком с пермскими таможенными целовальниками см.: Там же. 1623 г. № 31. Л. 71).

²⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 3. № 1594.

Т. В. Жиброва

ТАМОЖЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ВОРОНЕЖСКОМ УЕЗДЕ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII вв.

На рубеже XVII–XVIII вв. система таможенного управления в России претерпела ряд изменений, связанных с началом реформаторской деятельности Петра I. Молодой царь получил в наследство сложную сословно-представительную управленческую систему, с зачатками бюрократической